

Исповедь внутреннего человека, ведущая ко смирению

праведный Алексей Мечев

Внимательно обращая взор мой на самого себя и наблюдая ход внутреннего моего состояния, я опытно уверился, что я не люблю Бога, не имею любви к ближним, не верю ничему религиозному и преисполнен гордости и сластолюбия...

1) Я не люблю Бога. Ибо, если бы я любил Его, то непрестанно размышлял бы о Нем с сердечным удовольствием... Напротив, я гораздо чаще и гораздо охотнее размышляю о житейском, а помышление о Боге составляет для меня труд и сухость. Если бы я любил Его, то собеседование с Ним через молитву питало бы меня, наслаждало и влекло к непрерывному общению с Ним; но напротив..., при занятии молитвою я чувствую труд..., расслабляюсь ленью и готов с охотою заняться чем-нибудь маловажным, только бы сократить или перестать молиться. В пустых занятиях время мое летит безприметно, а при занятии Богом, при поставлении себя в Его присутствие, каждый час мне кажется годом. Кто кого любит, тот в продолжение дня безпрестанно о нем мыслит, воображает его, заботится о нем и при всех занятиях любимый друг его не выходит из его мыслей. А я в продолжение дня едва ли отделяю и один час, чтобы глубоко погрузиться в размышление о Боге... В беседах о предметах суетных, о предметах низких для духа я бодр, я чувствую удовольствие, а при рассуждении о Боге я сух, скучлив и ленив.

Поучение в законе Господнем не производит на меня впечатления, не питает души моей, и я это почитаю не существенным занятием христианина, но как бы побочным предметом, которым я должен заниматься разве только в свободное время, на досуге...

2) Я не имею любви к ближним. Ибо не только не могу решиться для блага ближнего положить душу мою (по Евангелию), но даже и не пожертвую моей частью, моим благом и спокойствием для блага ближнего. Если бы я его любил по Евангельской заповеди, как самого себя, то несчастье его поражало бы и меня, благополучие его приводило бы и меня в радость. Но, напротив, я с любопытством выслушиваю повести о несчастьи ближнего, не сокрушаюсь о нем, а бываю равнодушным, или, что еще хуже, — нахожу как бы удовольствие в его несчастье и плохие поступки брата моего не покрываю любовью, но с осуждением их разглашаю. Благосостояние, честь и счастье его не восхищают меня, как собственные, но возбуждают во мне как бы зависть или презрение.

3) Я не верю ничему религиозному — ни бессмертию, ни Евангелию. Если бы я был твердо убежден и несомненно верил, что за гробом есть жизнь вечная, с возмездием за дела земные, то я всегда бы думал об этом; самая мысль о бессмертии ужасала бы меня, и я провождал бы эту жизнь как пришелец, готовящийся вступить в свое отечество. Напротив, я и не думаю о вечности, и конец настоящей жизни почитаю как бы пределом моего существования.

Если бы Святое Евангелие, как слово Божие, было с верою принято в мое сердце, то я всегда занимался бы изучением его, и смотрел бы на него с глубоким благоговением.

Премудрость, благодать и любовь, в нем сокрытые, приводили бы меня в восхищение, я питался бы им какежедневною пищею и сердечно влекся бы к исполнению его правил. Но если я изредка и читаю или слушаю слово Божие, то чувствую сухость, незанимательность и охотно готов заменить его чтением светским.

4) Я исполнен гордости и чувственного себялюбия. Видя в себе доброе, желая поставить его на вид, или превозношусь им перед другими, или внутренне люблю собою. Хотя и показываю наружное смирение, но приписываю все своим силам и почитаю себя выше других или, по крайней мере, не худшим. Если замечу в себе порок, стараюсь извинить его, покрыть личиной необходимости. Сержусь на неуважающих меня, почитаю их не умеющими ценить людей. Дарованиями тщеславлюсь. Если и стремлюсь к чему-либо доброму, то имею целью или похвалу или светское утешение.

Словом, я непрестанно творю из себя собственного кумира, которому я совершаю непрерывное служение, или во всем услаждений чувственных и пищи для сластолюбивых моих страстей и похотей.

Примечания

В конце машинописи имеется указание: «(Извлечено из 2-й части «Откровенных рассказов странника о молитве Иисусовой», в сокращении)». «Исповедь» находится в пятом рассказе ("Рассказ странника при пятом свидании") известной книги (Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Издание Введенской Оптиной пустыни. 1991. С.206—211). Рассказ этот входит в число т.н. «дополнительных». В отличие от первых четырех, написанных архимандритом Михаилом (Козловым, 1826 — 30.1.1884), пятый, шестой и седьмой рассказы возникли в окружении прп. Амвросия Оптинского. Впервые были опубликованы епископом Никоном (Рождественским) в 1911 г. в журнале «Троицкое слово» (№№ 74—75, 79—80, 82—88, 90—92) и отд. изданием (Из рассказов странника о благодатном действии молитвы Иисусовой. Изд. Оптиной пустыни. Сергиев Посад. 1911).

Отрывок был переписан о.Алексием в Верее летом 1922 г. и послан духовным чадам (Жизнеописание... С.105).

Источник: Публикуется по машинописи из архива Е.В.Апушкиной.